

У Клэр, которая еще мгновение назад была полна духа, быстро исказилось выражение лица, а Арина нахмурилась, как будто была совершенно недовольна.

— Лучше прямо ответить, что ты имеешь в виду. Карсейн. Ты хочешь сказать, что, несмотря на то, что это блюдо было приготовлено под нашим строгим контролем, ты не будешь его есть?

Это было отношение, как будто я хотел услышать ответ по-другому.

Простите, но мой ответ не был неправильным.

— Зачем ты спрашиваешь, если и так все знаешь?

Я отмахнулся.

Под наблюдением двух сестер я имела в виду, что не стану есть эту чистую пищу, которая была словно из рук служанок.

Тут Клэр, издавая холодный звук, не сдержалась и выругалась.

— Эй, ты, ублюдок! Ты что, шутишь? Что это за отношение к человеку, который пытается тебе помочь?

— Карсейн. Я прощу тебя, если ты признаешь, что в этот раз был неправ. Но второго шанса не будет.

Две стены смотрят на меня свирепо, угрожающе. Они хотят, чтобы я забрал свои слова обратно.

Я повторяю еще раз: я не сделал ничего плохого.

Это была самооборона, правильная позиция. Вот почему я не отступлю.

— Я не сделал ничего плохого.

— Это...!

Когда я упрямо отвечаю, рука Клэр взлетает вверх, словно она собирается выхватить меч. Если бы она взмахнула им, он бы угодил мне прямо в щеку.

— ...Унни.

— Нет смысла поднимать руку на таких мерзавцев, как он. Это только замарает твои руки. Кроме того, ты все еще пациентка. Если ты пострадаешь, это только раззадорит Сейдена.

Другая рука блокирует руку второго, собиравшегося нанести удар, исключая возможность конфронтации. Но видеть, как она беспокоится о враче, вместо того чтобы считать меня пациентом, было просто абсурдно.

— Ах, да. Мы были глупы! Мы пытались обеспечить вас едой, потому что казалось, что такой ублюдок, как вы, не может позаботиться даже о себе!

— Верно. Мы были глупы. Не было причин вызывать врача и беспокоиться о вашем питании. Похоже, это было самовнушение - оставить после себя роскошный пир и не съесть его из-за недоедания.

— Продолжайте есть пищу, полную песка и соли. Пусть служанки едят, если ты не хочешь. Может, на таком пиру простолюдины, как ты, и переломают себе ноги, но в рот такому неблагодарному мерзавцу, как ты, его класть не стоит. Не понимаю, зачем я вызвала для тебя драгоценного лекаря, управляющего кухней и служанок.

Ариана, обладавшая острым языком, также нанесла холодный удар, прежде чем уйти.

Оставшись в комнате одна, я горько рассмеялась.

— Ха, зря, что ли, в рот неблагодарному мерзавцу класть? Надеяться, что я упаду, даже не съев еду, которую дали из жалости?

Это действительно было смешно.

— Ну, что ты знаешь? Ты прямо как две мои старшие сестры.

Невольно вырвалось хихиканье.

Увидев Арину и Клэр, которые очень похожи друг на друга в своих ролях, я невольно захихикал.

Обе они были дворянками, поэтому никогда не испытывали голода. Обе выросли в богатых семьях и выросли здоровыми. Так что понять их было невозможно.

Но я, живший как нищий, понимал сердце нищего лучше, чем кто-либо другой. Я прекрасно знал о физическом состоянии Карсейна.

Это не то, что может есть это тело. Сколько бы деликатесов ни было собрано, как бы они ни возбуждали аппетит видом и запахом, их нельзя есть.

— Дело не в том, что я не ем это, ублюдки. Дело в том, что я не могу это есть.

Ничего не понимая, я смеялся и смеялся над теми двумя, кто приносил еду, от которой у меня во рту было так много воды, что хотелось переломать ноги.

— Ты пыталась помочь, что?

Меня поразила ее жестко поднятая голова, как бы говорящая: «Ты шутишь, предлагая мне это съесть?» И все же она уверенно смотрела на меня, как будто не сделала ничего плохого.

С недовольным выражением лица Клэр решительно шла по коридору.

И вдруг на ее платье появились мелкие морщинки.

— Сестра!

Когда я обернулась, милая младшая держалась за мою юбку.

— Почему, Флора?

Клэр лучезарно улыбнулась и опустилась на уровень глаз Флоры. В ответ Флора нерешительно произнесла что-то на мавританском, затем покачала головой и с застенчивой улыбкой отвела взгляд.

— Нет. Ничего страшного.

— А что такое? Если тебя что-то беспокоит, сразу же скажи сестре».

— Ну... Я забыла, что хотела сказать. Хе-хе.

— Юи-ге.

Наблюдая за смехом озорных младших братьев и сестер, Клэр нежно погладила их по очаровательной головке.

Но потом, внезапно осознав, что они находятся рядом с комнатой Карсейн, она крепко взяла их за руку и на всякий случай направилась в противоположную сторону.

— Флора, ты хочешь остаться со мной сегодня?

— А? Почему?

— Ну, ты плохо поела. Я хотела убедиться, что ты что-нибудь съешь.

В памяти всплыла сцена, как Карсейн развалился в своей комнате, и Флоре, которая тоже не ела как следует, стало не по себе.

Но Флора решительно воспротивилась этой идее.

— Сегодня должен быть день тренировки вышивки. Поэтому я не могу быть с тобой, сестренка.

— А, понятно.

Вышивальная практика. Это радовало. Если бы учительница была рядом с ней, Флора не упала бы, как Карсейн.

— Тогда можно я хотя бы провожу тебя в твою комнату?

— Да, сестренка Клэр!

Отведя Флору в их комнату, как и обещала, Клэр посетил лекарь Шейден.

— Шейден? В чем дело?

— Я слышал, что две юные леди сегодня сами отправились к лорду Карсейну. Поэтому я и пришел.

— ...

Как только было упомянуто имя Карсейна, брови Клэр резко поднялись. Она вспомнила, что слышала ранее, и до такой степени, что даже не хотела слушать, что это было.

— Скажи мне. В чем дело?

— Я пришел спросить, ели ли вы, ваша светлость.

Как только речь зашла о еде, впечатление Клэр стало кислым. Она ответила с сарказмом, раздражение снова закралось в ее сознание.

— Он не стал бы есть, даже если бы я принесла. Делайте, что хотите, независимо от того, упадет он в обморок или нет.

— Простите? Вы хотите сказать, что он вообще не ел?

— Он сказал, что не стал есть. Он отказался есть правильно приготовленное блюдо, которое мы с сестрой сделали на кухне, от главного повара до рук служанок. Что я могу с этим поделать?

Шейден был сильно удивлен этим вопросом.

— Нет, если дело дошло до такой степени, то он, должно быть, сильно проголодался. Вы хотите сказать, что он действительно отказался от еды?

— Да! Я велел им приготовить стол, полный самых изысканных блюд. Это была чистая еда, которую мы с сестрой проверили от кухни до того момента, как к ней прикоснулись служанки. А он отказывается есть, что мне делать?

А что еще она могла сделать? Он отказался от тщательно приготовленного обеда, в который не попало ни одной посторонней примеси. И более того, он даже имел наглость сказать ей, чтобы она ела сама. Даже когда ему дали еще один шанс, он все равно отказался признать свою ошибку и упрямо закрыл глаза.

Даже думать об этом становилось невыносимо.

— Боже мой. Мисс, вы не волнуетесь за Его Светлость?

— Беспокоюсь? Глупости. Он такой, потому что не ел.

Это было беспокойство, которого не было у других. Он был герцогом, жил в уютной комнате в особняке, носил роскошные одежды и каждый день устраивал роскошные пиры, о которых большинство людей не могло и мечтать. Зачем беспокоиться?

Клэр ответила голосом, полным раздражения, но Шейден снова был ошарашен.

— Откуда у пациента, который только что проснулся, возьмутся силы на такое? Такие вещи не должны вкладываться в уста больного человека.

— Если кажется, что я в таком плохом состоянии, просто пропишите что-нибудь на мое имя. Вряд ли кто-то скажет, что в особняке используются лекарства такого уровня.

— Это не то, что можно решить с помощью медицины. У вас даже нет сил, чтобы переварить лекарство. Если бы ты съела его просто потому, что голодна, это было бы еще опаснее.

— ...Что?

Как только она услышала, что есть его будет еще опаснее, ее разум помутился.

— Погодите, он становится еще опаснее? Что это значит? Тогда вся еда, которую мы с сестрой принесли...?

— Если ты ешь жирную и трудноперевариваемую пищу, это может вызвать дискомфорт в желудке. Такую пищу вообще нельзя есть! В такие моменты можно съесть лишь немного рисового супа.

Закончив свои слова, Шейден сказала, что сейчас не время, и поспешила проверить состояние Карсейна.

Она не знала. Она думала, что, если кормить его хорошей едой, здоровье быстро восстановится. Поэтому она и попросила уделить ему больше внимания.

Но вместо этого он стал ядом?

Кулак Клэр задрожал.

— ...ты здесь.

— Да, мисс Клэр.

— Немедленно отправляйся в комнату Карсейна и запрети ему есть. Быстро!!!

Служанки бросились в комнату Карсейна.

— Мисс Клэр?

— О, он, наверное, не ел. Он сказал, что тоже не будет есть. Я пойду на кухню и сообщу им о рисовом супе.

— Начните с легкоусвояемой пищи. Некоторое время ему нужно есть медленно.

— ...Я понимаю.

Шейден наконец почувствовал облегчение, как будто с него сняли тяжелую ношу. В отличие от него, Клэр казалась несколько сложной.

И.

-Крэк!

— Ой...!

Чей-то ноготь сломался.

Вскоре после ухода Клэр и Арины в комнату ворвались горничные.

Я проверила еду, гадая, не съели ли они что-нибудь, но, к счастью, не съели. Все вздохнули с облегчением.

— Теперь мы знаем.

Если в желудок слабого пациента насильно запихнуть жирную и трудноперевариваемую пищу, она станет не едой, а ядом.

В итоге вся еда, которая должна была стать компенсацией, одна за другой исчезала в руках слуганок. В конце концов даже тележка с едой исчезла, не оставив никаких следов.

Но вскоре в моей комнате появилось еще одно блюдо.

На этот раз это была еда, которую пациент мог нормально есть.

— Какая жалость!

От истощенного тела Карсейна исходил аромат еды, от которого трудно было удержаться. Это была такая еда, от которой хочется есть, даже если глаза разбегаются.

Однако передо мной оказалось просто безвкусное блюдо.

Тем не менее, когда я зачерпнул ложкой безвкусное блюдо и положил его в рот, слова сами собой вырвались наружу.

— ...Это отвратительно вкусно.

Несмотря на то, что блюдо было таким безвкусным, почему оно такое вкусное? В этот момент в памяти всплыло неприятное воспоминание.

Я пускал слюни на обычный хотдог, который ели другие, завидовал одному треугольному кимбапу и воротил нос, когда ел выброшенный ланчбокс в свой первый день работы в магазине.

Я удивлялся, почему покупатели оставляют кисло-сладкий вкус жареной кимчи, на который я жаловался, и почему единственный кусочек ветчины исчезает, как только я кладу его в рот, и почему остальные гарниры поглощаются так быстро, что не остается времени на их смакование.

Воспоминание о том, как я впервые почувствовал себя сытым. Воспоминание о том, как впервые ощутил истинный вкус нетронутой пищи.

Я и сейчас не могу забыть ощущение полноты в желудке.

В том доме было много случаев, когда кто-то из членов семьи прикасался к еде, но я не мог даже попробовать ее.

— ...А. Что это?

Когда я пришел в себя, миска была пуста.

►Состояние голода было полностью восстановлено!

Вместе с появлением сообщения о статусе восстановления голода.

<http://tl.rulate.ru/book/109881/4112774>